

Юнь Шуй ввел человека внутрь. Увидев Лян Чжилия, стоявшего на коленях с остекленевшим взглядом, Линь Хань почувствовал, как сердце у него ушло в пятки.

Се Чэнъи заметил перемену в его выражении лица, слегка приподнял бровь и спросил у Лян Чжилия:

— Господин Лян, этот человек вам ведь знаком?

Лян Чжилия бросил взгляд на Линь Ханя и кивнул.

Вскоре после этого Се Чэнъи вышел из комнаты и негромко отдал распоряжение Чжао Цзюаню:

— Уведи Линь Ханя, пусть его как следует охраняют. А что касается Лян Чжилия... пусть приведет себя в порядок, после обеда жду его у себя.

— Слушаюсь, ваше высочество. — Чжао Цзюань принял приказ и отправился исполнять.

— Юнь Шуй, забирай Линь Ханя. Проверь все его махинации с деньгами.

— Понял, ваше высочество.

Се Чэнъи с облегчением выдохнул. Два месяца ушло на то, чтобы наконец выкорчевать этого вредителя. Сейчас уже август, как быстро летит время.

— Ваше высочество, ваше поручение выполнено. — Юань Цин появился перед Се Чэнъи.

— Хорошо, ты потрудился. — На лице Се Чэнъи наконец промелькнула слабая улыбка. — Распорядись, чтобы подготовили людей для ремонта карантинной зоны. В этот раз ошибок быть не должно.

— Слушаюсь.

После полудня Се Чэнъи сидел в беседке во дворе, дожидаясь Лян Чжилия. Тот пришел в простой, скромной одежде. Се Чэнъи в это время заваривал чай. Увидев гостя, он слегка поднял взгляд и жестом предложил сесть.

Се Чэнъи налил две чашки чая и одну протянул Лян Чжилию. Тот в глубокой тревоге принял чашку:

— Благодарю ваше высочество за милость.

Се Чэнъи отпил немного чая и поморщился. Тьфу, не так вкусно, как у Чжао Цзюаня.

— Эпидемия началась три месяца назад, верно? — уверенно произнес Се Чэнъи.

Лян Чжилинь поспешно закивал:

— Три месяца назад в Цзиньчжоу у одного-двух человек появились жар, стеснение в груди и кашель. Лекари решили, что это простуда, и прописали соответствующее лечение. Но когда число заболевших начало стремительно расти, я понял, что всё куда серьезнее. — Он горько усмехнулся. — Я собрал всех лекарей Цзиньчжоу, чтобы лечить людей сообща, но никаких улучшений не было. Когда больных стало еще больше, а смерти — ежедневным явлением, я осознал: это моровая язва. И немедленно отправил донесение в столицу.

Се Чэнъи задумчиво постукивал пальцами по чашке. Лян Чжилинь продолжил:

— За те двадцать дней, что прошли с момента появления первых симптомов до подачи отчета, в Цзиньчжоу погибла почти треть населения. Я был в ужасе и поэтому пошел на такой шаг...

— Ты намеренно затягивал время, желая, чтобы эпидемия продлилась дольше и двор посчитал ее неизлечимой. Так ты хотел скрыть свое преступление — несвоевременный доклад.

Ясный взгляд Се Чэнъи не оставлял Лян Чжилиню путей к отступлению. Тот в стыде опустил голову.

— Глупость несусветная! — Се Чэнъи с таким грохотом поставил чашку на каменный стол, что та едва не треснула. — Ты не смог справиться с гибелью людей за полмесяца, так неужели думаешь, что ответишь за всех, кто невинно погиб за эти два месяца?

Лян Чжилинь прошептал:

— У меня нет лица, чтобы предстать перед жителями Цзиньчжоу. Я готов искупить вину смертью.

— Смертью? Неужели ты думаешь, что все так просто? — Се Чэнъи холодно усмехнулся. — Сейчас эпидемия в самом разгаре, если я казню тебя, среди народа начнется паника. Я не настолько глуп.

За два месяца Се Чэнъи успел узнать Цзиньчжоу получше: хотя Лян Чжилинь совершил непростительную ошибку, в народе его уважали. Если казнить его сейчас, это лишь создаст хаос и усложнит контроль над болезнью.

— Я был слеп, — пробормотал Лян Чжилинь, склонив голову.

— Эпидемия еще не подавлена, твоя задача не выполнена. О том, как поступить с тобой

дальше, жди указаний сверху.

— Благодарю ваше высочество за милосердие.

Се Чэнъи поднял взгляд:

— Спасти тебя можешь только ты сам, и погубить тебя можешь тоже только ты сам. Жить тебе или умереть — решай сам.

Когда Лян Чжилинъ ушел, лицо Се Чэнъи омрачилось:

— Выходи.

Пэй Цинъянь, опустив голову, вышел из-за угла:

— Раб приветствует ваше высочество.

С той ночи, когда он тайком пробрался к высочеству, у него не было возможности даже приблизиться — Чжао Цзюань каждый вечер дежурил у дверей, не оставляя ни шанса. Он хотел лишь украдкой взглянуть на него, не подозревая, что высочество беседует с господином Ляном. Он жадно вглядывался в черты Се Чэнъи, даже не пытаясь прислушаться к их разговору.

— Ты уже не в первый раз попадаешься мне на глаза. Что у тебя на уме? — Се Чэнъи наступил ногой на плечо Пэй Цинъяня. — Какой подлый раб решил предать своего господина?

От тяжести ноги на плече сердце Пэй Цинъяня дрогнуло, он невольно поднял взгляд.

— У этого раба нет хозяина, — голос Пэй Цинъяня дрожал от едва сдерживаемых рыданий.

Высочество его отверг, у него больше нет хозяина...

— О-о, нет хозяина? — Се Чэнъи убрал ногу. — Если нет хозяина, то ты околачиваешься рядом со мной, надеясь, что я им стану? Но мне не нужны слуги, зато пригодилась бы собака, умеющая вилять хвостом.

Се Чэнъи намеренно использовал самые низкие и оскорбительные слова, чтобы оттолкнуть Пэй Цинъяня. Зная его характер, он был уверен, что тот не стерпит такого унижения.

— Я согласен, я согласен быть собакой подле вашего высочества. — Тяжесть на плече исчезла, и в сердце Пэй Цинъяня кольнула легкая грусть, но тут же, услышав слова высочества, его глаза вспыхнули. — Я буду такой собакой, которой ваше высочество останется доволен.

Пэй Цинъянь выпалил это с отчаянием: лишь бы остаться рядом с высочеством, он готов на всё. Он был до смерти напуган тем, что его снова бросят. Дни, проведенные в изгнании, были слишком мучительны — он знал это еще по прошлой жизни.

Се Чэнъи хмыкнул. Пэй Цинъянь в этой жизни был готов на любые низости, лишь бы добиться своего.

— А я тебя не хочу. — Одно легкое слово Се Чэнъи тяжким камнем рухнуло на сердце Пэй Цинъяня.

Его сердце на миг замерло, а затем продолжило биться, но каждый удар теперь отдавался невыносимой болью. Се Чэнъи взмахнул рукавом и ушел, оставив Пэй Цинъяня на коленях, опустошенно смотреть ему вслед.

Пэй Цинъянь снова проводил взглядом спину Се Чэнъи, и слабый огонек в его глазах окончательно угас, сменившись непроглядной тьмой. Он прижал руку к груди, прислушиваясь к ударам сердца. Оказывается, даже просто биться — это так больно. Просто жить, пытаясь быть ближе к высочеству, — такая непосильная ноша.

Се Чэнъи не придавал этому значения. Пэй Цинъянь для него был сейчас чужаком, просто евнухом. Никаких исключений.

Пэй Цинъянь, потерянный и разбитый, вернулся в свою комнату и сжался в комок. Его зрение затуманилось. Перед глазами стояло бушующее пламя, от которого слезились глаза. Почему он не может найти своего императора? Он ведь столько раз бывал в той тюрьме, он знал там каждый угол. Но почему именно в этот раз он не может найти своего императора?

Прогоревшая балка с грохотом обрушилась прямо перед Пэй Цинъянем, и дым окончательно поглотил его сознание.

— Господин, вы очнулись?

Пэй Цинъянь открыл глаза, но мысли всё еще блуждали в том пожаре.

— Выпейте воды. У вас много ожогов, я уже обработал их и нанес мазь. Господин, покойный император уже погребен, берегите себя.

— Император... — Пэй Цинъянь сфокусировал взгляд на обстановке комнаты и прошептал: — Ваше высочество...